

Серия «Тайны на двоих»

Поцелуй
перед
штормом

АНТОН АБРАМОВ

Тайны на двоих

АНТОН АБРАМОВ

Поцелуй перед штормом

«Автор»

2026

Абрамов А.

Поцелуй перед штормом / А. Абрамов — «Автор»,
2026 — (Тайны на двоих)

Одесса, 1913 год. Вера Яхонтова приходит на аукцион за старым дамским журналом и вместо безобидной покупки получает чужую тайну, погоню и мужчину, которому с первого взгляда не стоит доверять. Лев Корсак - капитан с тяжелым прошлым, долгами и слишком опасной привычкой появляться именно там, где все начинает рушиться. Их связывает старая шкатулка, след из писем, украденные деньги, чужие преступления и загадка, уходящая в двадцатилетнюю давность. Чтобы добраться до правды, им придется пройти через оранжереи, театральные кулисы, тайники у моря и закрытые клубы, где за красивыми манерами прячется смертельный расчет. Но чем ближе разгадка, тем труднее притворяться, что между ними только опасность и игра. «Поцелуй перед штормом» - остросюжетный любовный роман о тайне, которая слишком дорого стоит, о море, которое ничего не забывает, и о чувстве, вспыхнувшем в тот момент, когда осторожность уже перестала спасать.

© Абрамов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Лот № 17	5
Глава вторая. Первая гавань	17
Глава третья. Под стеклом	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Поцелуй перед штормом

Глава первая. Лот № 17

17 апреля 1913 года. Одесса

Вера Яхонтова убила своего героя в половине одиннадцатого утра.

Сделала это без яда, без выстрела и без малейшего сожаления. Достаточно оказалось одного карандашного росчерка поверх последней фразы.

Граф Арсеньев, красавец с бессовестными ресницами и четырьмя серийными признаниями в любви за плечами, должен был войти в зимний сад, опуститься на одно колено и поцеловать руку героине под луной. Вера посмотрела на страницу, на густые строчки, на кружевную сентиментальность, в которой сирень уже начинала пахнуть вареньем, и твёрдо вычеркнула половину абзаца. Затем посадила графа в экипаж, отправила на Приморский бульвар и столкнула его в историю с долгами, картёжниками и ножом под рёбрами.

Так стало лучше.

– Теперь хоть не стыдно, – сказала она вслух и перечитала страницу.

Чернила ещё поблёскивали. На письменном столе теснились листы, нож для бумаг с перламутровой рукоятью, серебряная чернильница, утренний номер «Одесского листка» и чашка остывшего шоколада. За открытым окном кричал продавец фиалок. Где-то на углу прозвенел трамвай. С моря тянуло сырой солью, апрельским ветром и тем особенным запахом большого порта, в котором всегда прячется обещание дороги.

Вера сняла пенсне, потёрла переносицу и потянулась. Комната, которую она снимала на Маразлиевской, была светлая, высокая, с лепниной под потолком и старым дубовым паркетом. У окна – стол, у стены – узкий книжный шкаф, у камина – кресло в полосатой обивке, на экране каминной решётки – шёлковый павлин. В соседней комнате стоял гардероб, слишком элегантный для простой домохозяйки и чересчур сдержанный для её притязаний. Вера не жаловалась. Она давно усвоила важную вещь: в жизни лучше иметь меньше мебели и больше свободы.

На верхнем листе, который сох под пресс-папье, стояло имя автора: *Николай Яр*.

Под этим именем Веру печатали два столичных журнала и одна одесская газета. Данный псевдоним собирал пёструю жатву: редакторы слали ей торопливые записки, читательницы восторженно писали о мужчинах её пера, а критики с презрением отмечали лёгкость слога и отсутствие настоящей литературы. Последнее Веру не ранило. Высокая словесность редко платила за квартиру, за шёлковые чулки, за хорошие сапожки на пуговицах и за право не выходить замуж из страха перед счетами.

Имя Николая Яра принадлежало ей уже три года. Вера берегла его ревниво. Даже хозяйка квартиры, почтенная вдова аптекаря, полагала, что барышня Яхонтова подрабатывает переводами и составлением дамских колонок. На самом деле барышня Яхонтова кормила пол-редакции и сотни чужих вздохов, сидя за этим столом в блузе цвета сливок и с карандашом, который порой нестерпимо хотелось воткнуть в очередного бумажного красавца.

Она сложила готовые листы в папку и позвонила в маленький колокольчик.

Дверь приоткрылась почти сразу.

– Позвали, барышня? – спросила Дуня.

Дуня служила у Веры с осени, была расторопна, молода, круглощёка и обожала любовные романы с неразборчивостью человека, который верит в счастье ещё до первого серьёзного удара. Именно Дуня однажды и угадала тайну хозяйки, увидев в корректурных листах знаковый оборот речи. Секрет сохранила железно. За это Вера платила ей лучше, чем могла позволить себе по средствам.

– Отнесёшь это на Дерибасовскую, в редакцию, – велела Вера. – Марку Семёновичу в руки. Скажешь, продолжение готово, развязка вечером, если он перестанет присылать мне персонажей с усами и без мозгов.

Дуня прыснула.

– Опять жениха вашего покалечили?

– Чужого. Мой мне пока не встретился.

– И слава Богу, – серьёзно заметила Дуня. – От мужиков одни хлопоты.

– Неправда. Ещё цветы, запоздалые раскаяния и удивительное самомнение.

Дуня взяла папку и помедлила у двери.

– А господин из аукционного дома прислал каталог. Я положила в гостиной на диван.

Вера кивнула. Тело откликнулось коротким внутренним холодком. Она встала, прошла в гостиную и увидела тонкую серую брошюру с чёрной рамкой по краю. Вчера вечером она листала каталог дважды, ночью проснулась из-за него ещё раз и под утро окончательно решила ехать.

Лот номер семнадцать.

Годовая подшивка журнала «Серебряная роза» за 1898 год. Иллюстрации, приложения, выкройки. Потёртый переплёт. Следы влаги.

Человек, не знавший Аделаиды Яхонтовой, прошёл бы мимо. Вера её знала с детства и потому узнала почерк бабушки даже в молчании.

Три дня назад после похорон нотариус передал ей ларец. Небольшой, лакированный, с китайскими птицами на крышке и замком, который уже давно не держал секрета. Внутри лежали серьги с мелкими рубинами, пучок писем, сломанная бальная веерная спица, ключ с истёртым зубцом и записка на плотной французской бумаге:

Начни с розы. Сердце спрятано в первой книге.

Ни подписи. Ни объяснения. Ни прощания.

Бабушка так и не освоила науку расставаний, оставляя последнее слово за неловким молчанием.

Когда-то Аделаида Яхонтова въехала в Одессу в открытом экипаже, в платье цвета шампанского и с мужчиной, чьё имя меняла по желанию. Через два года она уже играла в вист с банкирами, принимала офицеров, спорила о Марселе, Яве и Каире, исчезала на месяцы, возвращалась с новым бриллиантом на шее и репутацией, от которой порядочные дамы краснели, а непорядочные... завидовали. Мужчины рассказывали о ней легенды. Женщины тоже. Вера с детства слышала, что у бабушки был нюх на золото, тайники и чужие слабости.

Перед смертью Аделаида почти ослепла, похудела, стала тише и, что самое неприятное, ещё хитрее. Последнюю зиму она провела в своей квартире на Екатерининской, никого не подпуская ближе, чем на три шага к письменному столу. Веру звала дважды. В первый раз велела прочесть ей страницу из французского романа и рассмеялась, услышав особенно жалкий абзац. Во второй раз долго держала её пальцы в своих сухих ладонях и сказала:

– Запомни одно. Любая любовная история становится интересной только тогда, когда в неё вмешиваются деньги, опасность и чужая глупость. Всё остальное – мансарда для пианисток.

Тогда Вера решила, что бабушка опять насмеяется над миром. Теперь начинала подозревать, что это было завещание.

Она раскрыла каталог на нужной странице ещё раз. Подшивка журнала. Первая книга. Роза.

«Серебряную розу» Вера помнила смутно. Дамский журнал конца девяностых. Приложения к выкройкам, сентиментальные рассказы, сплетни о парижской моде, ноты и бесконечные романы с незаконнорождёнными детьми графов. В детстве она листала подобные журналы в бабушкиной гостиной, лежа на ковре. Тогда её занимали шляпы, скандалы и рисунки путе-

шественниц в белых костюмах у пароходных трапов. Теперь вдруг оказалось, что один такой том может стоять гораздо больше, чем весь дом с его шторами и шепотками.

Она прошла к камину, взяла с полки ларец, поставила на столик у окна и ещё раз перебрала содержимое. Серьги. Письма. Ключ. Записка. На самом дне – круглый кусочек синего бархата с вдавленным следом от тяжёлого предмета, давно вынутого. Какого именно, бабушка не сказала. Ларец хранил отсутствие очень выразительно.

Вера положила записку обратно и закрыла крышку.

– Ну что же, Аделаида Аркадьевна, – тихо произнесла она. – Посмотрим, во что вы меня втянули.

Она отправилась одеваться.

Для женщины аукцион – не поле битвы, уверяли её многие. Для мужчины – тем более. Вера за последние годы успела убедиться: мужчины говорят о дамских возможностях особенно пылко в те минуты, когда хотят оставить себе деньги, влияние и кресло у окна. Значит, на аукцион стоило ехать именно как на поле битвы. С оружием, которое позволено правилами.

Она выбрала тёмно-синий прогулочный костюм английского кроя. Матовая ткань держала линию талии и плеч, юбка падала ровно, без лишней пены, жакет застёгивался на маленькие обтянутые той же тканью пуговицы. Под жакет – шёлковая блуза цвета топлёных сливок с мягким воротником-стойкой. На шею – тонкая цепочка с крошечной жемчужиной. На руки – светлые лайковые перчатки. На ноги – серые ботинки на шнуровке с тонким каблуком. Шляпку она выбрала узкую, в модном английском духе: тёмная соломка, лента цвета старого вина, маленькая вуаль, ровно настолько, чтобы добавить лицу загадки и не мешать смотреть.

Волосы Вера уложила сама. Тяжёлые каштановые пряди она подняла низким узлом у затылка, выпустив у висков две мягкие волны. Глаза после этого стали ярче. Серо-зелёная радужка у неё почти всегда менялась от света и настроения. При дневном свете в них жило золото. В тени проступал холодный стеклянный блеск. Мужчины часто ошибались именно на этой перемене: видели мягкость там, где обитала выдержка.

На запястье она застегнула бабушкин браслет – тонкую золотую змейку с сапфировым глазом. Украшение едва заметно скользнуло по коже и устроилось на месте так, словно ждало именно этого дня.

Дуня вернулась, приняла у неё накидку, подала ридикюль.

– Прямо красавица, – её тон был окрашен глубоким и честным пиететом.

– Это не для красоты. Это для победы.

– Тогда победите всех.

Вера улыбнулась, взяла каталог, ларец положила обратно в гостиную тумбу, на минуту задержала взгляд на письменном столе и вышла.

Одесса встретила её звонким апрелем. На Маразлиевской уже зеленели деревья, солнце перебирало чугунные решётки балконов, у тротуаров дымились лужи после ночного дождя. Молочник ругался с дворником. У газетного киоска два господина обсуждали рост цен на зерно и автомобильную гонку в Ницце. У гимназии девочки в форменных платьях шли парами, придерживая шляпки от ветра. Город жил широко, шумно, без стеснения, с тем южным талантом превращать даже чужую беду в повод для разговора.

Вера села в наёмную коляску и велела ехать к Стороженко, на Ланжероновскую.

Колёса стукнули по мостовой. Ветер поднял край вуали. Вера придерживала шляпку и посмотрела в окно.

Электрический трамвай прошёл по Ришельевской с резким звоном. За ним катил автомобиль с блестящим капотом и важным господином в шофёрских очках. Лошади косились на мотор недоверчиво. У цветочного ряда пахло гиацинтами и влажной землёй. От порта тянуло зерном, смолой, рыбой, табаком, паром и деньгами. Всё это смешивалось в один большой одесский воздух – острый, солёный, деловой.

Вера любила этот город. Даже в его дурном вкусе было обаяние. Даже в его пошлости – размах. Даже в его сплетнях – талант к сюжету. Если уж здесь искать тайну, она не станет прятаться в серых стенах. Она выберет театр, порт, дорогой салон или аукционный дом, где под шёпот пудры продают чужие судьбы вместе с фарфором.

У входа в аукционный дом Стороженко стоял швейцар в тёмно-зелёной ливрее. Он принял накидку, поклонился, сообщил, что торги начнутся через десять минут. В холле пахло воском, полированным деревом и дорогими духами. Лестницу покрывал красный ковёр, перила блестели. На площадке второго этажа висело большое зеркало в золочёной раме. Вера увидела своё отражение и осталась довольна: лицо спокойно, губы подкрашены ровно, плечи расправлены, в глазах – то самое выражение, которое однажды заставило редактора вернуть ей деньги без возражений.

У стола с каталогами толпились люди. Секретарь аукциона, молоденький господин с пробором и удивительно серьёзным лицом, приветствовал её наклоном головы.

– Госпожа желает осмотреть лот до начала торгов?

– Позже. Я не люблю заранее привязываться к вещам. Потом тяжело платить.

Секретарь позволил себе улыбку.

– Сегодня собралась весьма оживлённая публика. Будет весело.

– Веселье редко стоит дешево.

Она прошла в зал.

Комната тонула в мягком свете электрических бра и огромной хрустальной люстры. По стенам тянулись тяжёлые гардины, на паркете отражались ножки кресел, полированная мебель, лак чёрного рояля в углу. Перед возвышением стоял длинный стол аукциониста. На мольбертах ждали картины. По бокам – витрины с серебром, миниатюрами, табакерками, китайскими вазами, часами, веерами. В воздухе плавали пудра, ландыш, мужской табак, азарт и та особая светская вежливость, под которой у каждого скрывается оскал.

Вера села у колонны в середине ряда. Отсюда было удобно видеть и стол, и дверь, и публику.

Сама аура зала предвещала, что занавес поднимется над чем-то выдающимся.

Две пожилые дамы в лиловых шляпах устроились впереди и сразу начали обсуждать чужие шали. Молодой банкир в клетчатых брюках развалился у прохода с видом человека, который купит всё, что приметит его соседка. У стены стоял сухой господин с моноклем и каталожным карандашом – настоящий коллекционер, неприятный уже тем, что существовал всерьёз. Немного дальше шептались две молодые женщины в кремовом и зелёном; одна явно пришла ради драгоценностей, вторая – ради возможного знакомства с гипотетическим мужем.

Вера машинально отметила детали, затем увидела его.

Он вошёл поздно, без шума, без показной уверенности. Просто появился у двери, и зал немедленно потерял половину салонной мягкости. Высокий, статный, с прямой спиной и походкой человека, привыкшего к палубе, лестницам, качке и решению дел на ходу. На нём был тёмный костюм отличного кроя, не модный, а точный. Белая рубашка сидела безукоризненно. Галстука не было. Расстёгнутый ворот открывал смуглую шею. Загар на скулах не выглядел следствием загородной прогулки. Его принёс другой образ жизни. Волосы тёмные, коротко подстриженные, у виска выгоревшая прядь. Лицо жёсткое, с тяжёлой линией рта и взглядом серых глаз, в которых не было привычной салонной дымки. На левом запястье – стальные часы. На правой кисти – тонкий старый шрам.

Мужчина не оглядывал зал в поисках восхищения. Он уже знал, зачем пришёл.

Вера ощутила укол неприязни, за которым, словно тень, скользнул неодолимый интерес. Оба чувства редко жили по отдельности.

Он занял место в третьем ряду, ближе к проходу. Каталог открыл на коленях, перелистнул быстро, остановился на одной странице и больше не двигал рукой. Всё ясно. Лот номер семнадцать.

Справа от Веры кто-то негромко сказал:

– Это Корсак.

Вторая дама шепнула ещё тише:

– Тот самый?

– А других у нас и нет. Павла сын.

Фамилия проплыла мимо, оставив в памяти сухой след. Вера едва заметно повернула голову, словно поправляя вуаль.

Корсак.

Где-то раньше она уже слышала это имя. Не от этих дам. Не в салонной шелухе. Гораздо раньше. В бабушкиной гостиной, под смех, карты и рюмки шартреза. Память не дала картины, только звон.

Торги начались.

Стороженко вышел к столу свежий, довольный, в чёрном фраке, белом жилете и с молотком в руке, который держал с артистической нежностью. Первые лоты ушли быстро. Пара французских подсвечников. Серебряная сахарница. Акварель с видом Неаполя. Веер из слоновой кости. Коробка с фарфоровыми пастушками. Публика разогревалась. Аукционист сиял.

Вера почти не слышала номеров. Её внимание шло вперёд, к потёртому тому журнала, который должен был выйти на свет через несколько минут.

Пока торговали миниатюрой в костяной рамке, в зал вошёл ещё один господин – среднего роста, в сером пальто, слишком тёплом для такого дня. На нём сидела шляпа с узкими полями, у галстука поблёскивала перламутровая булавка. Лицо показалось Вере неуловимым и неприятным уже тем, что его не удавалось запомнить. Он не сел, остался у двери. Глаза двигались быстро. Вера отметила это и вернулась к столу.

– Лот номер семнадцать, – объявил аукционист. – Годовая подшивка журнала «Серебряная роза» за тысяча восемьсот девяносто восьмой год. Иллюстрации, приложения, модные выкройки. Начальная цена – тридцать рублей.

Лакей поднял вишнёвый том.

Сердце не сбилось с шага, оно просто налилось тяжестью кованого металла.

Она подняла табличку первой.

– Тридцать.

– Сорок, – произнёс мужской голос из третьего ряда.

Корсак даже не обернулся на неё.

Тень улыбки уже коснулась лица Веры, грозя нарушить её напускную серьезность.

– Пятьдесят.

– Шестьдесят.

– Семьдесят.

– Восемьдесят.

Шёпот по залу прошёл мгновенно. Дамы оживились. Банкир отложил чужую вуаль взглядом и уставился на подшивку любовного журнала с искренним уважением. Секретарь у стены поднял брови.

– Сто, – отчеканила Вера.

Теперь Корсак повернул голову.

Взгляд у него оказался спокойный. Не ленивый, не мягкий, не липкий – именно спокойный. Серые глаза задержались на её шляпке, вуали, лице, руке в светлой перчатке, на запястье с золотой змейкой. Это длилось всего секунду. Ей хватило.

– Сто десять.

- Сто двадцать.
- Сто тридцать.
- Сто сорок.

Вера уже не слышала чужого дыхания. Деньги начали превращаться в главы, в месяцы работы, в новые платья, в плату за квартиру, в уголь на зиму. Очень вредное превращение. Она знала ему цену. И всё же подняла табличку ещё раз.

- Сто пятьдесят.

Корсак не торопился. Взял паузу. Пальцы на каталоге слегка сжались. Потом:

- Сто восемьдесят.

У аукциониста заблестели глаза. Лот перестал быть макулатурой и превратился в праздник.

Вера сказала:

- Двести.

Пожилая дама впереди ахнула. Банкир усмехнулся. Серый господин у двери едва заметно изменил позу. Вера увидела его краем глаза и вдруг поняла, что он следит не за подшивкой. За ней.

Корсак продолжал смотреть на аукциониста. Ни раздражения, ни игры. Лишь расчёт.

- Двести двадцать.

У Веры в памяти вспыхнула бабушкина записка. Начни с розы. Сердце спрятано в первой книге.

Она подняла табличку.

- Двести пятьдесят.

Стороженко выдержал эффектную тишину, обвёл зал победным взглядом и поднял молоток.

- Двести пятьдесят раз. Двести пятьдесят два. Продано госпоже в синем.

Гул прокатился по рядам. Несколько голов повернулись к Вере одновременно. Одни с любопытством, другие с завистью. Корсак остался на месте. Только нижняя челюсть у него слегка напряглась, и Вера почему-то сочла это лучшей похвалой вечера.

Она позволила себе очень тонкую, едва заметную улыбку.

Следующие лоты прошли мимо. Вера уже не слушала. Ей хотелось взять том в руки, почувствовать его вес, запах старой бумаги, проверить корешок, разрезы страниц, вкладки. Хотелось остаться одной и вскрыть тайну немедленно. Торги тянулись ещё четверть часа. За это время она дважды ловила на себе взгляд серого господина у двери и один раз – взор Корсака. Второй был опаснее. В нём появилась внимательность человека, который не любит проигрывать и привык разбираться с проигрышем лично.

Наконец секретарь принёс ей книгу, перевязанную бледной лентой, и пригласил пройти к боковому столу для расписки. Вера расписалась, получила свёрток и ощутила под пальцами тяжесть старого переплёта. Том действительно весил больше, чем ожидалось. В картоне держались годы, чужие руки, пыль, влажный воздух, табак, духи и ещё что-то. Какая-то морская нота. Нелепая для дамского журнала. Но очень подходящая для её бабушки.

– Поздравляю с удачной покупкой, – обронил секретарь. – Нечасто журналы вызывают такую страсть.

– Страсть часто начинается с пустяка, – отозвалась Вера. – Дальше портятся нервы и кошелёк.

- Зато публика счастлива.

– Истинное наслаждение толпа черпает в зрелищах, за которые ей не пришлось вывернуть карманы.

Она повернулась к выходу, и в этот момент рядом прозвучал низкий голос:

- Вы только что купили очень дорогую неприятность.

Вера подняла глаза. Корсак стоял вполоборота к ней, слишком близко, чтобы беседа считалась случайной. Под светом люстры резкость его лица стала ещё заметнее. На подбородке лежала тень вечерней щетины. От рубашки и кожи тянуло холодным мылом, солью и морем. Ни клубного табака, ни салонных духов – только чистый, бьющий в ноздри дух странствий.

– Зато теперь она моя, – промолвила Вера.

– Пока ещё нет.

– Вы собираетесь отнять её при всём обществе? Смело.

– Общество мне мешает.

– Мне тоже. Оно всегда начинает дышать слишком громко в нужный момент.

В его глазах мелькнул короткий отблеск веселья.

– Отдайте книгу. Я заплачу триста.

– Нет.

– Триста пятьдесят.

– Нет.

– Вы даже не делаете вид, что сомневаетесь.

– Я внесла слишком высокую пошлину, чтобы теперь позволить себе роскошь сомнения.

– Вам не кажется странным тратить такую сумму на старый дамский журнал?

– Мужчинам многое кажется странным до тех пор, пока они не видят дамскую прихоть у себя в руках.

– Это не прихоть.

– Заметьте, я вас об этом не спрашивала.

Он чуть склонил голову. Тонкий изгиб улыбки придал его лицу неожиданную мягкость, стерев печать суровости.

– Лев Корсак.

– Очень трогательно. Я не утруждаю память перечнем поверженных противников.

– Сегодня это я должен обижаться.

– Не люблю лишать мужчин простых удовольствий.

Она двинулась к двери. Он пошёл рядом.

– Скажите хотя бы одно, – произнёс он. – Вы знали, что ищите.

– Разумеется. Я не беру книги наугад. И мужчин тоже.

– Осторожность вам к лицу.

– Вам – галстук.

– Терпеть не могу галстуки.

– Тогда мы уже нашли общую тему для ссоры.

Она взялась за латунную ручку двери.

Люстра над залом вспыхнула, задрожала и погасла.

Зал утонул в темноте резко, без предупреждения. Кто-то вскрикнул. Где-то упал стул. Вера сильнее прижала том к груди. Из темноты в её локоть вцепилась крепкая мужская рука и рванула в сторону.

– Тише, – прошептал Корсак прямо над ухом. – За книгой пришли.

Она открыла рот для возражения, но слова не успели выйти. С другой стороны в переплёт впились чьи-то пальцы. Тонкие, жёсткие, жадные. Книга дёрнулась. Лента хрустнула.

– Нет, – выдохнула Вера и вцепилась обеими руками.

Старый картон больно прошёлся по ладони. Чужая рука рванула сильнее. Корсак отпустил её локоть и тут же врезался в кого-то плечом. В темноте раздался глухой удар, тяжёлое дыхание, короткая ругань. Вера не отступала. Её каблук соскользнул на паркете. Ткань юбки натянулась. Книга рвалась на части между тремя людьми.

Наконец корешок треснул.

Что-то тонкое осталось у неё в пальцах. Остальное выдрали.

Свет вернулся сразу, с неприятным голубым морганием бра.
У двери уже метнулась серая спина.

– Вон! – крикнул кто-то.

Корсак оказался быстрее всех. Он рванул за беглецом так резко, что ближайший лакей едва не упал. Вера, не дав себе времени на приличия, подхватила юбку и бросилась следом.

– Госпожа! – ахнул секретарь.

Она не обернулась.

Коридор выстрелил навстречу тусклым светом и запахом пыли. Серый господин мчался к служебной лестнице, прижимая под мышкой её книгу. Корсак сокращал расстояние. Вера неслась за ними, слыша только собственное дыхание, удары каблуков и стук крови в ушах. У площадки вниз полетела чья-то шляпа. На повороте вор едва не столкнулся с лакеем, толкнул его, перелетел через три ступени и вылетел во внутренний двор. Там пахло мокрым камнем, углём и навозом. У стены стояли ящики, катушки каната, две коляски и один чёрный автомобиль с поднятым верхом. Именно к нему и рванул серый господин.

– Стой! – крикнул Корсак.

Бесполезно.

Шофёр уже держал мотор на низком рыке. Дверца распахнулась. Серый человек влетел внутрь. Корсак успел схватить его за полу пальто, материя треснула, перламутровая булавка отскочила и ударилась о камень. Автомобиль качнулся, рванул с места, заднее колесо разбрызгало грязь.

Вера остановилась у ворот, хватая воздух. В сером салоне мелькнул профиль в шляпе. На секунду ей показалось, что за стеклом сидит ещё кто-то – женщина или очень тонкий молодой человек. Затем автомобиль вынесло на улицу, и остались только запах бензина и грязный след шин.

Корсак медленно разжал кулак. В руке у него остался лоскут серой ткани.

– Номер видели? – бросил он, не оборачиваясь.

– Нет. Только блеск, грязь и дурные манеры.

– Этого достаточно, чтобы понять владельца?

– Для Одессы – половина города.

Он повернулся к ней. На скуле темнела свежая царапина. В волосах застряла грязь из-под колес. Белый манжет рубашки был измазан её помадой. Вера увидела пятно и разлилась ещё сильнее. На себя.

– Вы в порядке? – его голос коснулся её, словно проверяя на прочность.

– Нет. У меня украли книгу за двести пятьдесят рублей. Полагаю, это слегка портит настроение.

– Что успели удержать?

Вера раскрыла ладонь. Между пальцами лежал вырванный лист, сложенный вдвое. Бумага была плотная, пожелтевшая. С краю тянулся неровный, рваный зубец. На верхней стороне темнел карандашный рисунок розы. Семь шипов на стебле. Лента у основания. Ниже – несколько строк.

Почерк она узнала мгновенно. Воздух на секунду исчез.

Корсак сделал шаг ближе.

– Покажите.

– С какой стати?

– С той, что у нас только что отняли одну и ту же вещь.

– У нас с вами пока нет ничего общего.

– Уже есть. Враг с автомобилем.

Вера перевела тяжелый взгляд с него на желтизну листа. Разворачивать тайну под открытым небом во дворе аукционного дома казалось глупо даже по меркам её собственной работы. Она сунула бумагу в ридикюль и резко сказала:

– Здесь читать нельзя.

– Согласен.

– Ваш кредит доверия не покрывает даже права на правку единственного знака.

– Прекрасно. Тогда позвольте хотя бы вывести вас со двора. Если люди в сером пальто готовы гасить свет ради старого журнала, на этом они вряд ли остановятся.

Логика была неприятно убедительна.

Вера молча пошла к воротам. Корсак поднял с камня отлетевшую булавку, убрал в карман и двинулся рядом.

На улице весна ничуть не смутилась. По Ланжероновской катили экипажи. Два мальчишки спорили из-за апельсина. Швейцар соседнего дома вытряхивал коврик. Солнце лежало на мостовой в лужах. Мир продолжал жить с полным презрением к её финансовой катастрофе.

Веру ждала коляска.

– Куда вы направляетесь? – полюбопытствовал Корсак.

– Домой.

– В таком случае я провожу вас.

– Нет.

– Да.

Она повернула к нему лицо.

– Вы часто разговариваете с женщинами тоном, которым отдают швартовы?

– Только в тех случаях, когда их уже один раз пытались ограбить у меня на глазах.

– У вас отвратительная привычка считать происходящее своим делом.

– Такая привычка спасала мне жизнь ни один раз.

– Это не делает её приятнее.

– Я не стремлюсь быть приятным.

– Заметно.

– Вы тоже, кстати.

Вера не удержалась и едва заметно улыбнулась.

– Очень жаль, Корсак. Я только что почти решила счесть вас полезным.

Он открыл перед ней дверцу экипажа.

– Почти – уже начало.

Она села. Он, не спрашивая разрешения, занял место напротив. Кучер получил адрес и тронул лошадей.

Несколько минут они молчали. Колёса катили по неровной мостовой. За окном текли дома, витрины, продавцы газет, дамы в светлых весенних костюмах, матросы, служащие, студенты. Где-то возле Греческой площади заиграл шарманщик. Вера держала ридикюль обеими руками. Корсак смотрел в окно и, казалось, думал не о ней. Это раздражало. И облегчало.

Наконец Вера сказала:

– Почему вам понадобилась эта подшивка?

– Вначале вы.

– Нет.

– Тогда останемся с загадками до вечера.

– Не льстите себе. Загадка из вас слишком угловатая.

Он повернулся. В глазах опять мелькнул тот сухой отблеск веселья.

– Вы всегда колете людей сразу?

– Нет. Иногда сначала слушаю.

– Тогда слушайте. На листе был знак. Роза с семью шипами. Верно?

Вера медленно кивнула.

– Я видел этот знак раньше, – продолжил он. – На кольце моего отца. И на сейфе в его каюте.

Фраза была лишена внешнего блеска, но именно эта неброская честность придала ей сокрушительную мощь.

– Ваш отец был капитаном? – спросила Вера.

– Судовладельцем и капитаном. Павел Корсак.

Фамилия легла на место с глухим щелчком.

Да. Вот где она её слышала. В бабушкиной гостиной. В те годы, когда мужчины с такими именами возвращались с рейсов, приносили редкие ткани, диковинный табак и истории, за которые светские дамы готовы были прощать им всё.

– Он умер? – осторожно обратилась Вера.

– Два года назад. На рейсе из Константинополя. Перед смертью оставил мне закрытый ящик и распоряжение никогда не продавать кольцо. В ящике были бумаги, долги и половина тишины. Объяснений не хватало. Зато сегодня утром мне сообщили, что у Стороженко выставят «Серебряную розу» за девяносто восьмой год. Отец держал такой том в сейфе много лет. Затем том пропал.

– Вы считаете, ваши семейные тайны обязаны меня волновать?

– Уже волнуют. Вы сидите с листом из той же книги.

Вера расстегнула ридикюль, достала лист и развернула его наполовину, прикрыв пальцами нижнюю строку.

Сверху всё было достаточно невинно: роза, цифра один у края, едва заметная на полях, и слова: *Сердце открывает первая гавань.*

Корсак посмотрел на рисунок и внезапно подался вперёд.

– Дайте ближе.

– Нет.

– Тогда хотя бы не прячьте нижнюю строку так старательно. Это наводит на мысли.

– Хорошо. Пусть вас водят ваши мысли. Мне они иногда служат вернее мужчин.

– И всё же там есть ещё что-то.

– Да.

– Про меня?

Вера подняла брови.

– Вы слишком высокого мнения о собственной значимости.

– Возможно. Значит, про другого Корсака?

Она молчала.

Он выдохнул коротко, почти беззвучно.

– Вот и ответ.

Вера аккуратно сложила лист и убрала обратно.

– На сегодня вам достаточно.

– Ошибаетесь. На сегодня мне достаточно понять одно: ваш интерес к этой книге начался не сегодня утром.

– Ваш тоже.

– Верно.

– Прекрасно. Значит, мы квиты.

– Нет. Вы всё ещё не сказали, почему бабушкин почерк предупреждает вас насчёт моей фамилии.

У Веры замерли пальцы на застёжке ридикюля.

– Вы не могли знать, что это почерк моей бабушки.

– Теперь мог. Вы побледнели на одну секунду. На этом лице секунда заметна.

Она отвернулась к окну.

Коляска уже свернула на Маразлиевскую. Вера увидела свой дом – желтоватый фасад, чугунный балкон второго этажа, вывеску часовщика внизу, горшки с геранью на подоконнике хозяйки. Всё выглядело спокойно. Настолько безмятежно, что внутри сразу зазвенело предупреждение.

Дверь парадной была приоткрыта. Швейцара внизу не было.

Кучер остановил лошадей. Корсак вышел первым, подал ей руку. Вера ступила на мостовую и почувствовала, что в животе у неё будто медленно разворачивается холодный нож.

– Что? – тихо спросил он.

– Дверь.

Он посмотрел туда же и сразу изменился. Исчезла сухая светская насмешка, которая и без того держалась на нём непрочно. Осталась собранность.

– Ключ есть?

– Да.

– Не доставайте. Я войду первым.

– Это мой дом.

– Сегодня – место преступления. Спорить будем позже.

Они поднялись по лестнице. На площадке второго этажа пахло пылью и вареньем из хозяйской кухни. У двери Веры тонкая латунная щеколда была сбита. Дерево у замка треснуло.

Вера ничего не сказала.

Корсак открыл дверь плечом и шагнул внутрь.

В гостиной царил беспорядок. Не грубый погром, а умный, холодный обыск. Ящики письменного стола выдвинуты. Книги сняты с полок. Подушки надрезаны. Бумаги сдвинуты стопками. Шкапулка для перчаток лежала на полу. На диване белели её рукописные страницы. Кто-то читал не из интереса, а из необходимости. И этот кто-то переворачивал её жизнь руками человека, который торопится, но знает, что именно ищет.

Начав движение медленно, Вера внезапно прибавила ход, чтобы через секунду замереть у тумбы в гостиной, словно натолкнувшись на невидимую преграду.

Ларец бабушки стоял раскрытый. Крышка была поднята. Внутренний бархат вспорот ножом. Письма высыпаны на стол. Серьги брошены сверху. Ключ исчез.

– Что пропало? – нарушил её смятение Корсак.

– Ключ.

– Только он?

Вера быстро оглядела комнату. Серебро на месте. Булавка для шляпы на месте. Портмоне в шкапулке. Украшения в коробке. Деньги под стопкой книг. Пропал только старый, истёртый, с виду бесполезный ключ.

– Да, – сказала она. – Только он.

– Значит, искали не деньги.

– Благодарю. Без вас я бы не догадалась.

Корсак опустил на колено у тумбы и провёл пальцами по внутреннему бортику ларца. Затем нажал в одном месте. Ничего. В другом. Тонкая планка поддалась. Дно чуть приподнялось.

Вера замерла.

– Здесь есть второе отделение, – невинно отметил он.

– Откуда вы...

– Любой человек, который прячет ключ в старом китайском ларце, прячет и что-нибудь ещё.

Он вынул тонкий конверт цвета слоновой кости. Пыль не успела лечь на него. Значит, тайник никто не нашёл. Повезло впервые за день.

На конверте тёмными чернилами стояло:

Вере Яхонтовой. И сыну Павла Корсака. Открыть вместе.

Несколько секунд никто не двигался. Вера смотрела на почерк бабушки и чувствовала, как в груди медленно меняется весь порядок сегодняшнего дня. До этой минуты она могла убеждать себя, что случайно столкнулась на аукционе с неприятным, опасным и очень не вовремя красивым мужчиной. Бабушка только что лишила её этой роскоши.

Корсак поднялся.

– Теперь вы всё ещё намерены утверждать, что у нас ничего общего нет?

Вера взяла конверт. Бумага была плотной, тёплой от его пальцев.

– Нам ещё только предстоит выяснить, за что моя бабушка решила испортить мне жизнь именно вами.

– Боюсь, взаимно.

Она посмотрела на него. На выгоревшую прядь у виска. На царапину на скуле. На белый манжет со следом её помады. На спокойные серые глаза, в которых впервые за весь день не было преимущества. Только та же тревожная сосредоточенность, что и в ней.

Вера медленно провела ногтем по краю конверта.

И только тогда заметила на обратной стороне ещё одну строку, вписанную позже, торопливо, другим карандашом.

Если эти строки застали вас в стенах собственного дома, значит, погоня безнадежно отстала от графика. Не оставайтесь там ни минуты.

Глава вторая. Первая гавань

17 апреля 1913 года. Одесса, к вечеру.

Вера перечитала строку на обороте конверта дважды. Бумага уже не дрожала в пальцах, трепет ушёл глубже и устроился под рёбрами.

– Выходим, – нарушил молчание Лев.

Не приказал. Решил за двоих. Это раздражало особенно сильно именно потому, что было разумно.

Вера сунула конверт в ридикюль, быстро оглядела гостиную и поняла: взять с собой весь прежний день не получится. На диване белели рукописи. На ковре лежала раскрытая коробка с перчатками. На столе валялись письма, серьги, нож для бумаг, связка карандашей, редакционная папка с фамилией Николая Яра. Чужие руки трогали её вещи, перебирали листы, распарывали бархат, заглядывали туда, куда не имели права проникать даже взглядом. Унижение было сильнее страха.

– Минуту, – в её голосе промелькнуло упрямство. – Я не уйду, оставив рукопись на полу.

– Если вы сейчас начнёте спасать литературу, нас отсюда вынесут вместе с нею.

– Литература меня кормит. В отличие от некоторых мужчин.

Лев не ответил. Просто поднял с ковра папку, сложил внутрь рассыпавшиеся листы и протянул ей.

Жест вышел слишком точным. Вера приняла папку молча, положила сверху накидку, перчатки, маленькую шкатулку с наличными, сунула в сумку записку бабушки, две тетради с черновиками и на секунду замерла у книжного шкафа. Там стояла фотография в серебряной рамке: она в восемнадцать, серьёзная, слишком тонкая, в шляпе с перьями, рядом бабушка, довольная жизнью и собственной беспардонностью.

Вера сняла рамку с полки.

– У вас есть пять секунд, – не выдержал Лев.

– Не торгуйтесь со мной. Вы уже пробовали.

Он посмотрел на раскрытый ларец.

– Конверт мой.

– Наш, – отрезала Вера.

– Хорошо. Тогда и опасность общая.

Внизу хлопнула дверь парадной. Оба повернули головы.

Дуня возникла на пороге без шляпки, с растрёпанной косой и скомканной запиской в кулаке. Пальто было застёгнуто не на те пуговицы, щёки горели от бега, глаза блестели от страха.

– Барышня!

Вера выдохнула впервые за эти мгновения.

– Ты где была?

Дуня перевела взгляд с разбитого замка на развороченную гостиную, увидела чужого мужчину у стола и побледнела ещё сильнее.

– Господи... Я думала, вы уже дома... А тут...

Слова путались, дыхание сбивалось.

Вера шагнула к ней, взяла за плечи.

– Тихо. С самого начала.

Дуня судорожно кивнула, проглотила воздух и голос окреп:

– Я рукопись Марку Семёновичу отнесла, как вы велели. Он взял, ещё сказал, что если развязка снова явится к ужину, то он умрёт на редакционном диване и будет вам являться по

ночам. Я уж домой шла, почти до подъезда дошла, и тут меня мальчишка нагнал. Рыжий, в кепке. Подал записку. Сказал: от барышни, очень спешно.

Она разжала пальцы. Бумага была дешёвая, с синим линейным краем.

– Пишете, что после торгов домой не заедете и велите мне сейчас же бежать на Ришельевскую, к мадам Бертран, забрать коробку с новой вуалью. А если коробка не готова, ждать, хоть час, хоть два, и домой не возвращаться, пока не заберу. Я и поверила. Бумага ваша... то есть похожая. И слова ваши. Про то ещё, что мадам Бертран опять всё тянет до последней минуты и если она перепутала оттенок, вы её этой вуалью удавите.

У Веры предательски дернулись губы. Да, это действительно звучало похоже на неё.

– У Бертран что сказали?

– Что для вас ничего не отложено и никто сегодня за вуалью не должен приходить. Я сперва решила, что мальчишка адрес перепутал. Потом обратно побежала. А тут дверь...

Она снова посмотрела на вскрытый ларец и осеклась.

Лев взял со стола смятую записку и быстро пробежал её глазами.

– Вам знаком посылный?

– Нет, сударь. Только знаете что? За углом стоял ещё один господин. В сером пальто. Я его ещё утром у дома заприметила. Он на меня посмотрел так... неприятно.

Вера и Лев переглянулись. Серое пальто.

Значит, за квартирой следили с утра. За Дуней тоже. И знали, что её можно увести не угрозой, а пустяком – шляпной коробкой и удачно подделанной интонацией. Это больше не было похоже на изысканную тайну. От истории несло липким любопытством шпииков, подкупленной тишиной подворотен и звериным терпением ловца.

– Собирайся, – безапелляционно распорядилась Вера. – Домой ты сегодня не вернёшься.

– А вы?

– Я тоже.

Дуня глянула на Льва с тревогой и преданностью, которую он явно не заслужил заранее.

– Барышня, вам нельзя одной.

– Именно поэтому я и не одна, – сухо отозвалась Вера.

Лев сложил записку, сунул в карман.

– У вас есть родня или надёжная женщина, где можно переночевать?

– Тётка на Молдаванке, – быстро нашлась Дуня. – Она прачка. Только там тесно...

– Теснота – это просто близость, – Вера покачала головой. – А вот удобство сегодня – непозволительная роскошь. Оно делает нас ленивой мишенью.

Она вынула из шкатулки деньги, разделила пополам, одну часть отдала Дуне.

– Возьмёшь извозчика от угла, не от дома. Если заметишь серое пальто – не едь, а иди в людное место, в булочную, в аптеку, к полицейскому. Ночью будешь у тётки. Завтра утром пошлешь записку Марку Семёновичу и ничего не будешь объяснять. Поняла?

– Да, барышня.

– И ещё. Если к тебе придут с вопросами о Николае Яре, ты впервые слышишь это имя.

Дуня моргнула, потом кивнула с такой серьёзностью, что Вере захотелось её обнять. Времени не было.

Лев подошёл к двери, прислушался, выглянул на лестницу.

– Чисто. Я спущусь первым. Вы через минуту.

– С какой стати мы должны подчиняться вашему корабельному уставу? – вскинув бровь, поинтересовалась Вера.

– С той, что я умею считать риск.

– А я умею считывать мужчин, уверенных в своей непогрешимости.

– Сегодня нам пригодятся оба навыка.

Он ушёл на лестницу. Вера успела поправить Дуне воротник, сунуть ей в карман ключ от нижнего ящика письменного стола и шепнуть:

– Если я не вернусь завтра к полудню, иди к нотариусу Гольденвейзеру. Скажешь: про ларец Аделаиды Аркадьевны. Он поймёт.

У Дуни задрожали губы.

– Вы вернётесь?

– Разумеется. Иначе кто будет ругаться на твои пересоленные пирожки?

Дуня всхлипнула уже со смехом.

Через минуту они спустились вниз. Лестничный пролёт пустовал, внизу пахло вареньем из хозяйской кухни и старой известкой. У подъезда стояла хозяйка квартиры, вдова аптекаря, в чепце и шали, ужас на лице боролся у неё с любопытством.

– Госпожа Яхонтова! Что у вас наверху? Я слышала...

– Неприятность, – не позволила ей договорить Вера. – И, боюсь, не последняя. Если кто-нибудь станет меня спрашивать, вы меня не видели со вчерашнего дня.

Хозяйка раскрыла рот.

– Но ведь...

– Именно. Это и ответ.

На улице тянуло вечерним морем. Солнце уже уходило за крыши, медь на окнах темнела, трамваи звенели резче, мостовая сыро блестела после короткого дождя. Лев стоял у кромки тротуара и разговаривал с извозчиком. Когда Вера с Дуней подошли, он помог Дуне сесть в первую пролётку, назвал адрес прачки на Молдаванке и коротко добавил кучеру:

– По людным улицам. На углах не стойте.

Кучер смерил его взглядом, увидел деньги, решил не спорить и тронул лошадь.

Дуня обернулась, перекрестила Веру тремя пальцами на удачу и уехала.

– Теперь вы, – развернулся к ней Лев.

– Куда?

– В порт.

– Разумеется. Куда ещё приличной женщине ехать под вечер с малознакомым мужчиной.

– Приличная женщина уже была ограблена, выслежена и втянута в дело пятнадцатилетней давности. Пора перестать делать вид, что вы всё ещё сидите у себя в гостиной.

Вера села в экипаж первой.

– С этой минуты вы мне отвратительны почти так же сильно, как необходимы.

– Прекрасное начало союза.

– Не обольщайтесь. Я ещё не решила, союз ли это.

– А я решил.

Он захлопнул дверцу, назвал извозчику адрес на Практической гавани и сел напротив.

Колёса ударили по камню. Город поплыл мимо, всё более синий, всё менее светский. Мимо прошли Ришельевская, Греческая, лавки с позолоченными вывесками, витрины ювелиров, булочные, дамы с покупками, чиновники с портфелями. Затем потянулись склады, конторы, тёмные дворы, запах угля и сырого каната. Одесса меняла перчатки на рабочие руки.

Вера сидела прямо, держа ридикюль на коленях. Шляпка слегка съехала набок, одна шпилька почти вышла из причёски, вуаль мешала видеть. Она сняла перчатки, затем шляпку и положила рядом. Воздух ударил в лоб прохладой. Лев смотрел не на неё, а в окно, на мостовую, на перекрёстки, на прохожих. Он проверял хвост.

– За нами едут? – невозмутимо спросила Вера.

– Пока нет.

– Утешает. Мне нравится находиться в центре событий без зрителей.

– Ваша Дуня умница.

– Я знаю.

– И очень к вам привязана.

– Это взаимно.

Он кивнул, затем добавил:

– Записку подделывал человек, который видел ваш почерк только мельком. Буква «р» слишком старательная. У вас она всегда быстрая.

– Вы изучаете женские записки с профессиональным интересом?

– Я изучаю всё, что может убить день.

– Полезная привычка.

Экипаж свернул к порту. Воздух мгновенно стал другим: смола, соль, пар, рыба, мокрое дерево, мазут, зерновая пыль. Вечерний свет сидел на воде полосами старого серебра. За рядами складов уже виднелись мачты, трубы, краны, лебёдки, цепи, баржи, тёмные борта пароходов. Где-то далеко гудок разрезал воздух до самой груди.

Лев первым вышел из экипажа и подал Вере руку. Гордость нашептывала ей отказать, но обстоятельства взяли верх. Ладонь у него была тёплая, сухая, с тем самым твёрдым спокойствием, которое раздражало с первой минуты знакомства.

Они шли по дощатому настилу вдоль причала. Под каблуками отзывалось дерево. Слева вздрагивала тёмная вода. Справа стояли склады, пакгаузы, конторы под жестяными крышами. Рабочий день почти закончился, но порт никогда не затихал целиком: у одного борта грузили мешки, у другого ругались возчики, на рейде горели огни, у дальнего крана надрывалась лебёдка.

– Ваше судно? – спросила Вера, увидев у пирса небольшой паровой буксир с тёмным корпусом и медной табличкой на рубке.

– Моё.

На борту золотом читалось: «*Нереида*».

Она прониклась названием с первого прочтения. Морская нимфа на корабле грубого назначения. В этом чувствовалась привычка Льва к вещам, которые не обязаны соответствовать ожиданиям.

На трапе показался коренастый седой мужчина в вязаном свитере и потёртом бушлате. Он выглядел как трофей, отвоеванный у бездны. Море долго гравировало эти черты: опустило тяжёлые веки, вьелось солью в поры и выбелило брови, словно плавники. А кривой, не раз ломанный нос завершал портрет человека, который слишком часто спорил с волной.

– Поздно вы сегодня, Лев Павлович, – обратился он, затем увидел Веру, глянул на её шляпку, на ридикюль, на разворошённую прическу и без всякого удивления отступил на полшага. – Прошу, сударыня.

– Матвей Ильич, – коротко представил Лев. – Механик, рулевой, совесть этого парохода. Матвей, никого к нам не подпускать. Если придут с вопросами – я у гаванных книг.

– Понял.

Вера поднялась на борт. Подошвы почувствовали лёгкую пружинистость палубы. Здесь всё пахло железом, паром, мокрой краской, табаком и чистотой, наведённой не ради красоты, а ради службы. Медные детали были натёрты. Канаты уложены. У рубки висел сигнальный фонарь. На корме – катушка троса, крюк, складной багор. Мир Льва Корсака не терпел лишних кружев.

– В каюту, – сообщил он.

– Я бы предпочла кабинет с ковром и креслами.

– Я тоже. Но сегодня мы живём по средствам.

Кабюта оказалась неожиданно просторной. Узкий диван вдоль стены, стол, намертво привинченный к полу, шкафчик с картами, книжная полка, лампа под зелёным абажуром, медная печка в углу. На столе лежали циркуль, навигационная линейка, раскрытая карта побережья,

спички и стакан с тремя остро заточенными карандашами. Идеальный порядок: досягаемость – мгновенная, чистота – абсолютная.

Вера сняла накидку, опустилась на диван и впервые за этот день ощутила усталость не в мыслях, а в теле. Ноги гудели. Корсет мешал дышать. На ладони от рваного переплёта осталась красная полоска.

Лев заметил её руку, достал из шкафчика пузырёк с йодом и чистую тряпицу.

– Не нужно.

– Нужно. В порту грязь любит кровь.

– Ужасно романтично.

– У меня тяжёлый характер. Романтика на нём не держится.

Он сел напротив, взял её ладонь и промокнул царапину йодом. Делал он это быстро и аккуратно, без лишней нежности. Вера смотрела на его голову, наклонённую над её пальцами, на выгоревшую прядь у виска, на длинные жёсткие ресницы, на линию шеи под распахнутым воротом и злилась на собственное внимание.

– Не заигрывайте, – мягко осадила она его, пряча улыбку.

Он поднял глаза.

– С вашей раной?

– С моим терпением. Оно и так держится на честном слове.

Он отпустил её руку, убрал пузырёк и протянул ладонь за конвертом.

– Теперь письмо.

Вера вынула конверт, на секунду задержала на нём пальцы и только потом отдала. Лев вскрыл бумагу ножом для карт, который взял со стола, расправил лист и стал читать молча. В каюте слышно было, как за стенкой у машины шипит пар и как вода глухо бьёт в корпус.

Почерк Аделаиды Яхонтовой шёл по бумаге легко, уверенно, с той самой безжалостной ясностью, которая когда-то сводила людей с ума.

«Вере Яхонтовой и сыну Павла Корсака.»

Если вы читаете это вместе, значит, у меня оказался хороший нюх, а у моих врагов – терпение. Дом уже обыскали, ключ уже украл. Не жалейте. Железо без бумаги бесполезно. Бумага без головы тоже.

Роза с семьёй шипами отмечает путь, по которому в апреле девяносто восьмого года мы с Павлом вывели из-под чужих рук одну вещь. В ней достаточно денег, чтобы спасти корабль, и достаточно писем, чтобы утопить дом. Люди за неё уже умирали. Если снова потянуло кровью, значит, старые долги поднялись раньше срока.

Начинайте с первой гавани. В портовой книге за 19 апреля 1898 года ищите лихтер «Орион». Его груз врёт. Его место говорит правду. Следуйте за местом и за числом под таможенным штампом.

Вера, не доверяй имени Корсак, пока его владелец не скажет тебе, что именно утонуло в ту ночь.

Сын Павла, не доверяй имени Яхонтова, пока его владелица не скажет тебе, почему я никогда не носила жемчуг из синей шкатулки.

Оба не тратьте время на полное доверие. На него у людей уходит жизнь, а у вас есть в лучшем случае неделя.

А. Я. »

Лев дочитал, положил лист на стол и некоторое время смотрел на дерево столешницы. Мышцы на его челюсти застыли.

– Что именно утонуло в ту ночь, – повторил он негромко.

– Очень полезный вопрос, – смело вступила Вера. – Я бы тоже начала с него.

– А я бы начал с синей шкатулки и жемчуга.

Она подняла брови.

– Бабушка владела несметным множеством шкатулок. И ни каплей совести, чтобы я могла вспомнить, в которой из них годами томится забытый жемчуг.

– Значит, у нас честная ничья. Вы не знаете про шкатулку, я – про ночь.

– Пока.

Он встал, подошёл к карте на стене и, не оборачиваясь, сказал:

– В девяносто восьмом отец ещё ходил не на своих судах. Он служил на буксире и временами брал частные подряды. Весной того года у него действительно был лихтер «Орион». Старый, плоскодонный, для коротких грузов по гавани. Я видел его только мальчишкой, потом судно продали на слом.

– И что могло утонуть?

– По документам – тишь да гладь. На деле же отец просто затаился. После смерти у него остались бумаги по счетам, записи о рейсах и одна странность. На обороте навигационной карты он вывел ту же розу. Без объяснений.

Вера села ровнее.

– Почему вы не сказали об этом раньше?

– Вы и не спрашивали.

– Прекрасный мужской приём. Спрятать половину ответа и ждать восхищения за вторую.

Лев повернулся.

– А вы ожидали от меня исповедь через час после знакомства?

– Нет. Честно говоря, я ожидала большее количество галстуков и меньшее тайн.

В дверь постучали. Матвей просунул голову.

– Лев Павлович, в конторе гавани старик Шафран ещё сидит. Если что-то нужно, поторопитесь. Через час закроют.

– Спасибо. Лампу на носу зажги и никого не пускай.

– Уже.

Лев взял бушлат со спинки стула. Вера поднялась тоже.

– Я иду с вами.

– Разумеется.

– Это был не вопрос.

– А я и не давал вам повода отвечать.

Он подал ей накидку. Вера надела её, на ходу закалывая волосы заново. Пальцы не находили покоя. Это был не страх, а эхо неистового темпа, в котором пришлось прожить этот день.

Когда они вышли на палубу, вечер уже лёг на воду плотно и прохладно. Огни в порту горели жёлтыми мазками. Вдалеке двигались чёрные силуэты буксиров. Ветер трогал края её накидки и сразу же находил щели в ткани.

Лев, не спрашивая, накинул ей на плечи свой короткий тёмный плащ, пахнувший дымом и морем.

– Я не замёрзла.

– Зато я не оглохну.

– От чего?

– От ваших будущих жалоб.

Желание избавиться от плаща было сильным, но воля внезапно дала осечку. Тяжесть чужого тепла на плечах заставила её передумать.

Контора первой гавани стояла в стороне от главного движения, у старого бассейна, который портовые по привычке продолжали так называть, хотя на новых планах у него уже значилось другое имя. Здание было низкое, каменное, со следами соли на стенах и узкими окнами. На ступенях сидел сторож с усами щёткой и фонарём под мышкой. Он приподнялся, увидев Льва, и лишь спросил:

– По делу?

- По книгам за девяносто восьмой.
- Старик ворчит с пяти часов.
- Значит, не разогрелся.

Внутри пахло мокрой бумагой, скипидаром, ламповым керосином и тем особым канцелярским временем, в котором годы лежат стопками и пылятся одинаково ровно. За высоким столом под лампой сидел сухой старик в нарукавниках. Нос у него был острый, волосы редкие, пенсне держалось на честности. Увидев вошедших, он поднял голову с выражением человека, которому в последнюю минуту смены принесли личное оскорбление.

- Нет, – сказал он прежде, чем Лев успел открыть рот.
- Даже если это спасёт честь порта? – неожиданно бросила Вера.

Старик моргнул.

- Честь порта переживёт и без моих книг, сударыня.

– Вы уверены? Я вот только что слышала, что именно ваши книги помнят здесь лучше всех.

Пенсне чуть качнулось. Лесть слегка запоздала с эффектом, зато ударила без промаха.

Лев положил на стол визитную карточку.

– Лев Корсак. Мне нужна приходная книга первой гавани за 19 апреля 1898 года. По делу отца.

Взгляд заскользил по лицу, и в глазах старика всплыло что-то забытое. Это была не доброта, а проступивший сквозь годы след.

- Павел Корсак? – уточнил он.

– Да.

– Упрямый был человек.

– Наследственное упрямство даже более живучее, чем золото.

Старик фыркнул, встал, тяжело двинулся к шкафам и начал перебирать корешки. Вера смотрела, как движутся его сухие пальцы. С третьей полки в дальнем ряду он вынул толстую книгу в потёртом зелёном переплёте и поставил на стол с уважением, которого нынче уже не дождёшься даже от сыновей.

– Час. Не больше, – скупно вымолвил он. – Чернилами не лезть. Пальцы влажные сначала вытереть.

– Мы пришли не разрушать цивилизацию, а провести инвентаризацию её заблуждений, – мягко улыбнулась Вера.

Старик отошёл к лампе, сел, но краем глаза всё равно следил.

Лев раскрыл книгу. Толстые листы зашуршали. Строки маршрутировали по бумаге чернильным строем: даты, названия судов, тоннаж грузов и лаконичные отчеты о пошлинах. Жизнь порта в цифрах и коротких словах, где ни один человек не обещал любви, и потому всё выглядело удивительно надёжно.

– Итак, девятнадцатое апреля, – собранно сообщил Лев.

Они склонились над страницей плечом к плечу. Вера чувствовала тепло его рукава. От этого сосредоточиться становилось то легче, то труднее.

Запись про «Орион» нашлась на середине разворота.

«Лихтер «Орион». Кап. Корсак П. П. Груз: цепь якорная, бочки смоляные, части котельные. Место разгрузки: 1-я гавань, складской ряд С».

Чуть ниже темнел круглый таможенный штамп. Под ним стояла маленькая цифра: 17.

– Груз врёт, – напомнил Лев.

– Место говорит правду, – тихо повторила Вера.

Она наклонилась ближе. На полях у строчки была едва заметная отметка карандашом. Крошечная. Почти стёртая. Семь коротких насечек и лепесток. Роза.

– Вот, – показала она.

Лев проследил за её пальцем.

– Отец бы не рисовал в книге. Слишком рискованно.

– Значит, рисовала бабушка. Или человек, работавший на неё.

Вера провела ногтем ниже штампа и заметила ещё одну странность: буква «С» в словах «складской ряд С» была написана поверх другой, более тонкой. Сначала здесь стояло что-то иное.

– Подождите.

Она повернула книгу к лампе. Чернила разного возраста проступили сильнее.

– Это не «С». Здесь был номер... нет, не номер... буква «Е». А ниже... видите? Запятая не на месте.

Лев прищурился.

– «Е, 17»... Значит, не ряд С, а секция Е, ячейка семнадцать.

– Складской ряд исправили позже. Кто-то спрятал точное место под общей записью.

Старик за своим столом кашлянул.

– В девяносто восьмом секция Е была в старом таможенном пакгаузе, – безучастно изрёк он, не поднимая глаз от бумаг. – Его год назад собирались сносить, да руки не дошли. У западного мола стоит до сих пор, пустой.

Лев закрыл книгу.

– Благодарю.

Старик наконец поднял глаза на Веру.

– Сударыня, если ваш брат или муж опять ввяжется в покойников, не тащите его в мои журналы.

– С удовольствием, – ответила она. – Проблема в том, что это не брат и не муж. Это всего лишь неприятность.

Старик фыркнул второй раз. Видимо, Вера ему понравилась против воли.

Когда они вышли на улицу, ветер усилился. Портовый воздух стал почти чёрным, с серебряной кромкой на волнах. Огни по причалам дрожали. Где-то за складами лаяли собаки.

– Если там пакет или что-то ещё, – напряжённо выговорил Лев, – люди в сером пальто придут туда тоже. Не сегодня, так ночью.

– Значит, нужно успеть раньше.

– А если пакет уже забрали?

– Тогда я проведу очень неприятный вечер и, вероятно, кого-нибудь укушу.

Он посмотрел на неё искоса.

– Напомните не подставлять вам руку.

– Уже поздно.

Они шли быстро. Порт под ногами менялся: здесь доски, там голый камень, потом опять деревянный настил, ржавые рельсы для вагонеток, бочки, ящики, чугунные тумбы для швартовов. У воды чернел старый пакгауз – длинное строение с высоким двускатным потолком и выбитыми окнами в верхнем ярусе. Кирпич местами потемнел от влаги. На двери висел свежий замок, хотя хрустящая новизна уже сменилась привычной тусклостью. Значит, место не совсем заброшено. Ещё хуже.

Лев остановился в тени сложенных ящиков.

– Подождите здесь.

– Нет.

– Там может быть кто угодно.

– Я уже провела день в обществе «кого угодно». Переживу ещё десять минут.

Он не стал спорить. Видимо, понял всю бесполезность этой затеи.

Из кармана бушлата он вынул сначала один тонкий инструмент, потом второй. Вера отметила это с большим интересом.

- Капитаны вашего круга все умеют вскрывать замки?
- Только те, кого жизнь воспитывала без французенки и рояля.
- Обидно. У меня была французенка без рояля, но нет такого навыка.
- Зато у вас есть шляпная шпилька длиной с кинжал.
- Я женщина предусмотрительная.

Замок поддался через полминуты. Дверь открылась с низким деревянным стоном.

Внутри пахло затхлой солью, гнилой верёвкой и железной пылью. Лев зажёл фонарь. Жёлтый круг света выхватил ряды старых таможенных ячеек вдоль стены, столы для досмотра, крюки под потолком, обрывки упаковочной бумаги, крысиную тропу по полу. В дальнем конце лежал перевернутый деревянный щит с выцветшей буквой *E*.

– Секция, – выдохнула Вера.

Они прошли к стене. Ячейки тянулись двумя рядами, железные дверцы, латунные таблички, стёртые номера. Семнадцатая оказалась внизу. Табличка висела криво. На замке виднелась свежая царапина.

– Нас опередили? – шепнула Вера.

Лев опустил на колено, провёл пальцем по металлу и отрицательно качнул головой.

– Пытались. Ключом не заходили.

– Откуда вы знаете?

– Скважина чистая. С царапиной работали инструментом.

Он снова достал отмычки. Вера держала фонарь. Свет лежал на его руках, на цепких пальцах, на старом шраме у кисти. Через несколько секунд внутри щёлкнуло.

Дверца открылась. В ячейке лежал свёрток в промасленной ткани, плоский металлический футляр и маленькая фотография без рамки, просто прислонённая к задней стенке. Вера вынула снимок первой.

На ней бабушка была молодой. Лет тридцать, не больше. Светлое платье, короткий жакет для прогулок, волосы собраны высоко, подбородок поднят, взгляд дерзкий, живой. Рядом стоял мужчина в тёмной морской тужурке. Высокий, серьёзный, с тем же резким профилем, той же выгоревшей полосой у виска, что сейчас была у Льва. Только глаза на фотографии смотрели мягче.

– Ваш отец? – оживлённо спросила Вера.

Лев взял снимок, не касаясь её пальцев. На обороте рукой Аделаиды было написано:

«В тот день мы решили никому не верить. Правильное решение, дурное счастье».

Вера положила фотографию в сумку. Лев развязал промасленную ткань. Внутри оказался железнодорожный накладной лист на плотной бумаге, свернутый вчетверо, и узкая карточка-ярлык с дырочкой для бечёвки.

На бланке значилось:

«Отправка грузовая. 21 апреля 1898 года. Станция Одесса-Товарная – станция Выгода. Получатель: оранжерея А. Беккера. Наименование груза: ящик с розовыми кустами. Место: одно».

На полях карандашом шёл короткий почерк Аделаиды:

«Под стеклом жарче, чем в порту. Вторая роза спит там, где зимуют апельсины».

– Оранжерея Беккера, – задумчиво повторил Лев. – Немецкая усадьба под Выгодой. Я там грузил котлы года два назад.

– Прекрасно. Значит, у нас есть следующая остановка и мужчина, который наконец-то полез.

Он не успел ответить. Снаружи по настилу ударили шаги. Оба замерли. Судя по шагам, их было по меньшей мере трое. Металл звякнул о металл. Кто-то пытался открыть ворота.

– Поздно, – сказал Лев очень тихо.

Он задул фонарь. Пакгауз погрузился в темноту, только через щели под крышей проник слабый серый свет от причала.

– Влево, – шепнул он.

Вера отступила за стол досмотра, прижимая к груди бумаги. Сердце работало часто и зло. Внутри не было ни одной возвышенной мысли. Только холодная арифметика: трое опасных незнакомцев, темнота, узкий проход, каблучки мешают бежать.

Дверь предательски скрипнула ещё раз. Внутри скользнул свет ручного фонаря. Серое пальто вошло первым.

Вера узнала фигуру сразу. Тот самый человек с аукциона. Средний рост, узкие плечи, осторожный шаг, шляпа надвинута низко. За ним вошёл второй, шире в кости, в кепке. Третий оставался снаружи.

– Быстро, – приказал серый. – Ячейка семнадцать.

Слова были сказаны вполголоса, но Вера услышала каждую букву. Значит, они добрались до книги или до кого-то, кто знал о секции Е. Получается, времени у них осталось ещё меньше, чем обещала бабушка.

Лев едва заметно двинулся рядом с ней. В полной темноте присутствие его тела ощущалось сильнее голоса.

Серый остановился у открытой ячейки.

– Чёрт.

Второй сунул фонарь внутрь.

– Пусто.

– Не пусто. Они были здесь.

Фонарь резко пошёл по рядам, по полу, по стенам. Свет скользнул по краю стола. Вера прижалась к древесине и ощутила, как шляпная шпилька сама просится в руку. Она вытащила её из волос бесшумно.

Луч света пошёл обратно. В это мгновение Лев шагнул из темноты и ударил широкого в запястье. Фонарь полетел на пол, стекло треснуло, свет захлебнулся. Серый рванулся назад, выхватил что-то из кармана. Не пистолет. Нож. Узкий, матовый.

– К двери! – резко бросил Лев.

Лимит на страх был исчерпан, не успев открыться. События обрушились лавиной, не оставив места для вдоха.

Широкий в кепке с рычанием бросился на Льва. Тела глухо врезались в стол. Доски заскрипели. Серый попытался обойти справа, туда, где стояла Вера. Она увидела белки его глаз в полутьме, шагнула вбок и всадила шпильку ему в кисть.

Он вскрикнул сквозь зубы. Нож со звоном ударился о пол.

– Дьяволица! – прошипел он.

– Благодарю, – изволила заметить Вера, сохраняя внешне полнейшее бесстрашие, и ударила ещё раз, теперь в плечо, не изящно, а зло и с полной убеждённостью.

Снаружи в дверь уже влетал третий. Лев, не отпуская первого, рванул его на себя и швырнул прямо под ноги вошедшему. Оба рухнули. Воздух наполнился матом, древесной пылью, тяжёлым мужским дыханием и её собственным бешеным пульсом.

– Бегите! – крикнул Лев.

– Без вас – нет!

Очень глупая фраза. Совершенно лишняя. Но она уже вышла.

Серый снова рванулся к ней, прижимая раненую правую руку к груди, точно подбитое крыло. Вера отпрянула к окну, под каблучком хрустнуло битое стекло и мусор – пол уходил из-под ног. Спина встретила ледяную невозмутимость кирпичной кладки. Тяжёлая ладонь Серого вцепилась в плечо, сминая ткань, и в лицо ей хлестнуло удушливой смесью дешёвого одеколona и звериного пота.

Тут из темноты вылетел Лев. Удар пришёлся серому в челюсть так коротко и сильно, что человек просто исчез из её пространства, отлетел к стене и сполз вниз. Лев схватил Веру за запястье.

– Теперь действительно бегите.

Они рванули к боковой двери, которую Вера раньше и не заметила. Доски под ногами гремели. Лев толкнул створку плечом. Холодный воздух ударил в лицо. За дверью шёл узкий настил прямо к воде и к борту маленького служебного катера, привязанного у сваи.

– Ваш? – успела спросить Вера на бегу.

– Он ничей.

– Меня восхищает ваша нравственная гибкость.

Он с силой втолкнул её на катер, оттолкнулся багром от настила и одним рывком завёл мотор. Позади уже слышались голоса. На настиле мелькнула кепка, потом послышались ругательства. Кто-то прыгнул следом, промахнулся и с тяжёлым плеском ушёл в воду. Вера резко обернулась. Тёмная поверхность захлопнулась над телом и тут же выбросила ругань вперемешку с кашлем.

Катер дёрнулся, ушёл в сторону, нырнул между сваями и вышел в полосу открытой воды между причалами.

Ветер сбил у Веры дыхание окончательно. Волосы растрепались, накидка хлопала, ридикуль она прижимала к себе одной рукой, другой держалась за борт. Лев стоял у руля, весь собранный в одно движение. Лицо под портовым светом выглядело жёстким, холодным, прекрасным в той опасной мужской точности, которая не просит восхищения и потому получает его сама.

Через минуту пакгауз остался позади. Ещё через две они были у борта «Нереиды».

Матвей уже ждал на корме с багром.

– Что у вас там, чёрт побери, за вечер? – сурово спросил он, помогая Вере подняться.

– Познавательный, – кокетливо отметила она, едва касаясь палубы.

Лев привязал катер, поднялся следом и коротко приказал:

– Отдать носовой. Через пять минут выходим на внешний рейд.

Матвей только кивнул. На его лице не появилось ни одного лишнего вопроса. Это тоже говорило о Льве многое.

В каюте лампа горела ровно и мирно, словно никакой погони за бортом не существовало. Вера села, сорвала с головы окончательно измученную шпильками причёску и позволила волосам упасть на плечи. Щёки горели. На рукаве накидки темнело пятно от чужой грязной ладони. Она посмотрела на него с отвращением и внезапно рассмеялась.

Лев остановился у двери.

– Что?

– Если я доживу до старости, то потребую от судьбы менее хлопотных вечеров. Можно без ножей, пакгаузов и мужчин, ворующих катера.

– Это был не вечер. Это было начало.

– Вы сегодня особенно очаровательны.

Он поставил на стол найденные бумаги, фотографию и металлический футляр. Под крышкой изящного портсигара не оказалось ни следа табака – лишь бирка в виде полоски пожелтевшего картона, хранившая на себе бледный оттиск ушедшей эпохи. На ней карандашом с почерком Аделаиды шло ещё одно короткое замечание:

«Не верь тому, что растёт. Верь тому, что греет корни».

Вера взяла бирку.

– Печь, – догадалась она сразу. – В оранжерее. Не кадки, не розы, не стеллажи. Печной ход или котельная.

Лев сел напротив.

– Значит, на Выгоду.

– Когда поезд?

– Утром есть рабочий, рано. Есть вечерний товарно-пассажирский через два часа. Ночевать в городе нельзя.

– А в пригородной усадьбе с апельсинами, куда за нами уже могут ехать люди с ножами, можно?

– Лучше плохая неизвестность, чем хороший адрес, который известен врагу.

Он был прав. Это начинало раздражать с регулярностью приливов.

Вера провела пальцем по железнодорожной накладной. Плотная бумага пахла машинным маслом, старой пылью и слабым остатком цветочного ящика, который когда-то действительно мог везти розы. Станция Выгода. Оранжерея А. Беккера. Одна вещь. Один ящик. В девяносто восьмом году через порт и железную дорогу прошло столько груза, что спрятать среди него маленький секрет оказалось до смешного легко. Не магия. Логистика. Бабушка всегда уважала именно её.

– Что вы теперь скажете о вашей Аделаиде Аркадьевне? – устало поинтересовался Лев.

– Что она была умна, безжалостна и слишком уверена, что все вокруг обязаны уметь быстро думать.

– Значит, мы ей подходим.

– Не льстите нам обоим.

Он помолчал, затем вынул из кармана смятую бумажку – ту самую фальшивую записку, присланную Дуне.

– Посмотрите на оборот.

Вера перевернула лист.

На обратной стороне проступил бледный фиолетовый штамп: *«Клуб коллекционеров и библиофилов. Екатерининская, 14»*.

– Интересно, – задумчиво вывела она, словно медленным смычком по струне.

– Очень.

– Серое пальто связано с коллекционерами?

– Или с тем, кто любит прятаться среди них. В Одессе нет ничего удобнее общества людей, которые охотятся за редкостями и с большой душой платят за молчание.

– Вы кого-то подозреваете?

Лев держал паузу дольше, чем того требовали приличия, заставляя собеседника ловить собственное эхо.

– Есть один человек. Не хочу ошибиться раньше времени.

– Мне начинает нравиться, что моя бабушка велела не доверять вашему имени.

Он усмехнулся без радости.

– Взаимно. Про синюю шкатулку вы тоже ещё ничего не рассказали.

– Потому что мне пока нечего рассказывать. Но я выясню.

– Я тоже.

Матвей постучал в дверь, затем поставил на стол чайник, два стакана в подстаканниках и тарелку с ломтями хлеба, сыром и холодной ветчиной.

– До поезда час с четвертью, – проронил он. – На внешний рейд уйдём минут на сорок, потом верну шляпку. На вокзал доведу вас яликом и возчиком от мола. Расписание нашего судна – величина неизменная, и ваших гостей в нём нет.

– Спасибо, Матвей Ильич, – благодарно улыбнулась Вера.

Старик скользнул по ней быстрым взглядом, в котором уже жила осторожная симпатия.

– Вам бы переодеться, сударыня. В городском костюме по котельным лазать неудобно.

– Какое счастье, что мне попался человек с морем и здравым смыслом в голосе. В отличие от капитана.

- Капитан у нас из породы упрямых, – заметил Матвей. – Но руку держит верную.
- Я уже имела удовольствие убедиться.

Когда дверь за ним закрылась, Лев налил чай. Пар поднялся над стаканом. Лампа осветила его кисти, чайный блеск, железнодорожную накладную, фотографию молодой Аделаиды и Павла. Всё на столе теперь складывалось в новый узор. Не разгаданный, но уже живой.

– У вас есть что-нибудь менее торжественное, чем мой сегодняшний костюм? – спросила Вера.

- На судне? Только мужские вещи.
- Вы удивитесь, но в нынешних обстоятельствах меня оскорбляет не это.

Он встал, открыл шкафчик и вынул чистую белую рубашку, тёмный шерстяной жилет и короткую морскую куртку.

- Возьмите. В соседней каюте можно переодеться.

Вера взяла вещи. Ткань была тёплая, пахла сухим мылом и ветром. Окинув взглядом одежду, она перевела пристальный взор на него самого.

- Если вы после этого хотя бы раз позволите себе усмехнуться, я столкну вас за борт.
- После сегодняшнего пакгауза я отношусь к вашим угрозам серьёзно.

Соседняя каюта была совсем маленькой. Умывальник, крючок на стене, узкое зеркало. Вера сняла жакет, блузу, корсет, распустила волосы до конца и на секунду закрыла глаза. Кожа под рёбрами благодарно расправилась. Она вдохнула воздух. Белая рубашка Льва оказалась ей велика, и это неожиданно очень помогло. Ткань свободно лежала на плечах, жилет собрал фигуру, куртка закрыла всё лишнее. Она подвернула рукава, затянула пояс от своего дорожного платья поверх куртки и повернулась к зеркалу.

Оттуда на неё смотрела не женщина из салона. Не барышня-романистка под мужским псевдонимом. Не внучка известной авантюристки. Кто-то новый, быстрый, немного злой, в чужой одежде и с изящным лицом.

Вера вышла обратно.

Лев поднял голову от стола, и фраза замерла на его губах. Эта внезапная тишина прозвучала искреннее любой похвалы.

- Что? – удивлённо обронила она.
- Ничего.
- В вашем голосе сейчас было слишком много ничего.
- Вам идёт практичность.
- Не смейте превращать меня в цитату для журнала.
- Боюсь, вы и без меня отлично с этим справляетесь.

Она села, взяла чай и только теперь поняла, насколько продрогла. Тепло пошло в пальцы постепенно. За бортом вода толкала корпус коротко и настойчиво. «Нереида» уже отдала швартовы и медленно уходила в темноту.

– Значит, Выгода, – подытожила Вера. – Ночная поездка, чужая усадьба, оранжерея и печь.

- И люди в сером пальто.
  - Да. Не забудьте о них. Они оживляют пейзаж.
- Лев сложил документы в кожаный планшет.
- На вокзале держитесь ближе ко мне.
  - Как трогательно. Вы уже начали заботиться о моей репутации?
  - Нет. О вашем пульсе.
  - Репутация пострадала бы меньше.

Он задержал на ней долгий, безмятежный взгляд, в котором, точно в отливе, растворился шум порта, суета прожитого дня и вся накопившаяся усталость.

- Я в этом не уверен.

Вера сосредоточенно изучала свой чай, пытаясь заполнить этим жестом ту опасную пустоту, что воцарилась в каюте.

Через несколько минут Матвей вернулся и доложил, что шляпка готова. Вокзал ждал их на той стороне города, под дымом, стеклом и чужими отъездами. На столе лежали фотография, железнодорожная накладная и маленькая бирка с фразой про тепло у корней. Вера аккуратно сложила всё в ридикюль, поверх рукописи, денег и бабушкиного конверта.

Новый день ещё не начался, а она уже успела потерять дом, платье, покой и часть прежней жизни. Взамен судьба выдала ей чужую рубашку, оранжерею на станции Выгода и мужчину, которому бабушка велела не доверять.

Получалось подозрительно щедро.

Глава третья. Под стеклом

Ночь с 17 на 18 апреля 1913 года

К вокзалу они ехали не через парадный город. Матвей высадил их у боковой платформы, где железная дорога пахла не путешествием, а углём, капустой, мокрой доской, машинным маслом и тем терпким копчёным паром, который оседает на воротниках и въедается в память. Большой вокзал с его светом, газетчиками и белыми перчатками остался в стороне. Здесь, у товарной ветки, толпились возчики, мелкие приказчики, бабы с корзинами, солдаты в шинелях и люди, которым было не до красивых отъездов.

Вера шла рядом со Львом, чувствуя на себе его тёмную куртку и чужую белую рубашку под ней. Ткань сидела свободно, двигаться в ней было легче, дышать комфортнее, но мир почему-то сразу стал грубее, прямее, короче на поклон и длиннее на опасность. Женский костюм требовал осанки, взгляда через плечо, аккуратной игры. Мужская одежда требовала только шага.

Это не делало мужчин умнее. Зато многое объясняло.

– Билеты я возьму, – обронил Лев.

– Разумеется. Мужчинам необходимо хотя бы иногда приносить практическую пользу.

– Вы не устали язвить?

– Нет. Я устала терять имущество.

Он ушёл к кассе. Вера осталась под навесом, у деревянной колонны, и, пока над рельсами кружился пар, быстро оглядела платформу. Ни души в сером пальто. Ни одного знакомого лица с аукциона. Никого, кто слишком упорно не смотрел бы в её сторону. Но после вечера, проведённого между вскрытой квартирой, портовым пакгаузом и чужими ножами, доверять пустой платформе не хотелось.

Она машинально сжала ридикюль. Внутри лежали конверт бабушки, железнодорожная накладная, бирка с надписью про корни и фотография молодой Аделаиды рядом с Павлом Корсаком. Бумага, железо, несколько слов. И весь её прежний день распался на части.

Лев вернулся быстро.

– Два до Выгоды. Второй класс был бы удобнее, но в нём нас легче запомнят. Пойдём в третий.

– Какая забота о моей скромности.

– Трогательное внимание к вашему долголетию.

Они поднялись в вагон за минуту до отправления. Внутри стояла та самая ночная теснота, в которой люди уже слишком устали, чтобы быть вежливыми, и ещё недостаточно спят, чтобы замолчать. На верхней полке храпел солдат. У окна старуха держала на коленях корзину с курами, накрытую мешковиной. Через проход спал на чемодане мальчишка-подмастерье. У самой двери молодой семинарист читал книжку при слабом свете лампы, и тень от ресниц лежала у него на щеках так старательно, что Вера сразу перестала ему верить.

Лев усадил её к окну, сам сел рядом, плечом к проходу. Правильное место. В случае беды сперва достанут его. Почему-то именно эта мысль оказалась неприятно тёплой.

Поезд дёрнулся, заскрипел, пополз и через несколько секунд уже шёл ровнее. За окном поплыли редкие фонари, сырые задние дворы, склады, чёрные силуэты вагонов на боковых путях. Одесса отступала без сожаления. Она всегда умела отпускать людей так, будто знала: половина всё равно вернётся, а вторая половина так и не сумеет забыть.

Некоторое время они молчали.

Вера смотрела в чёрное стекло, где дрожало её собственное лицо под чужой фуражкой, и пыталась привести мысли к порядку. Дуня уже должна была добраться до тётки. Марк Семёнович завтра получит записку. Хозяйка квартиры, несомненно, к полуночи успеет сообщить

о загадочном происшествии на Маразлиевской трём соседям, булочнику и провизору. К утру город начнёт жить новой версией её жизни. Одесса не любила пустых мест. Если фактов не хватало, она доделывала их с прекрасной лёгкостью.

– Вы думаете о доме? – неловко спросил Лев.

– О том, что чужие руки трогали мои рукописи. Это хуже кражи.

– Значит, вы действительно пишете не только счёта и записки модисткам.

Она повернула к нему голову.

– Откуда такой блестящий вывод?

– Ваша гостиная была завалена не письмами в банк.

– А вы, оказывается, наблюдательны.

– Я уже имел удовольствие услышать это на аукционе.

– Не обольщайтесь. Я тогда ещё не знала, до чего вы навязчивы.

Он чуть улыбнулся.

– Вы печатаетесь?

– Иногда.

– Под своим именем?

– Нет.

– Под мужским?

Вера посмотрела на него внимательнее.

– Это тоже было написано у меня на обоях?

– Нет. Это написано у вас в манере спорить. Женщина, которой приходится зарабатывать словами, очень быстро учится прятать подпись.

Она не ответила. Он тоже не стал настаивать. За это Вера неожиданно ощутила к нему короткую благодарность.

Поезд уже выбрался за город. Тьма за окном стала полнее. Изредка вспыхивал огонёк сторожки, мелькал чёрный телеграфный столб, блестела лужа на обочине, а весь пейзаж заполняла плоская даль степи. Ночь лежала на земле широко, ровно, без городских украшений. В ней было меньше лжи, больше пространства.

Лев достал из внутреннего кармана планшет, вынул железнодорожную накладную и бирку.

– Ещё раз, – анализировал он собранное.

– Вам нравится мучить бумагу по кругу?

– Я нахожу удовольствие в том, как она начинает говорить.

Он положил накладную между ними. Под лампой снова выступили чёрные буквы, старые складки, масло у края и едва видимая карандашная строка Аделаиды: *«Под стеклом жарче, чем в порту. Вторая роза спит там, где зимуют апельсины».*

– Беккер, – негромко произнёс Лев. – В Выгоде немцев хватает. Фамилия для тех мест обычная. Значит, не салон и не дача для развлечений. Точно хозяйство. Цветы, саженцы, фрукты. Что-нибудь, что удобно отправлять в город по железной дороге.

– Вы слишком спокойно произносите слово «апельсины», – упрекнула его Вера. – Меня оно будоражит.

– От голода?

– От воображения. Апельсины, оранжерея, ночь, немец с секретом. Это хороший материал.

– Для романа?

– Для жизни. С романами мне сегодня и так хватает хлопот.

По вагону прошёл кондуктор. Проверил билеты. На секунду задержал взгляд на Вере, на её слишком тонких для мужской одежды пальцах, но Лев так уверенно повернул голову в его сторону, что тот предпочёл не любопытствовать.

– Вы часто так путешествуете? – спросила Вера, когда кондуктор ушёл.

– Без удобств?

– Без объяснений.

– Часто.

– Несносная привычка.

– Она удерживает человека в живых.

– И мешает другим его полюбить.

Лев посмотрел на неё. Ночь в окне сделала его лицо строже. От лампы под скулой легла тень, выгоревшая прядь у виска стала светлее.

– Мне сейчас важнее первое.

– Очень разумно. И чрезвычайно скучно.

– Вы говорите это мужчине, с которым едете ночью в Выгоду искать тайник в немецкой оранжерее.

Вера медленно кивнула.

– Поправка принята. Скучно не будет.

Она отвернулась к окну и только теперь заметила, что пальцы у неё всё ещё сжимают ридикюль слишком сильно. Разжала ладонь. Вздохнула глубже. Дорога убаюкивала ровным железным стуком. Тело начало требовать сна. Голова отказывалась.

Через четверть часа вагон затих почти полностью. Семинарист перестал читать. Старуха задремала над корзиной. Куры внутри мешковины возмущённо шевельнулись и тоже успокоились. Поезд шёл гладко, без рывков. Лев сидел неподвижно, только иногда поднимал глаза к окну или к двери вагона.

Вера сама не заметила, в какой миг закрыла глаза.

Очнулась она сразу, резко, без медленного перехода. Рывок тормозящего поезда выбросил её из сна, и она тут же почувствовала: под щекой не деревянная стенка, а чужое плечо.

Вера выпрямилась мгновенно.

– Не смейте ничего говорить, – произнесла она.

– Даже если мне приятно, что вы наконец-то приняли верное решение?

– Особенно тогда.

– Я не шевелился.

– Удивительное благородство.

– Вы спали пять минут.

– Достаточно, чтобы почувствовать раскаяние.

Он чуть повернул голову.

– За что именно?

Вера открыла было рот и поняла, что правильного ответа у неё нет.

Поезд остановился окончательно.

– Выгода, – заключил Лев в наступившей тишине.

Станция встретила их не названием, а холодом. Небольшое здание с жёлтыми стенами стояло под мутным светом керосиновых фонарей. На платформе шипел самовар у буфетной стойки. Телеграф в дежурной комнате сухо отщёлкивал свои чужие новости. Чуть в стороне темнела водонапорная башня. Дальше за путями уходили в рассвет низкие домики с аккуратными фронтонами, голые сады, заборы, сараи. Земля дышала водой, ночным перегноем и весной, которая здесь была беднее на блеск, зато щедрой на труд.

Выгода не кокетничала. Она работала.

На платформе почти никого не было. Двое железнодорожников в брезентовых куртках курили у столба. Девчонка с молочным бидоном ждала рассветный поезд в обратную сторону. У буфета зевал толстый сторож с ружьём без всякого воинственного смысла. Небо на востоке уже светлело.

Лев взял их саквояж – пустой, взятый у Матвея для вида, – и двинулся к дежурному окну. Вера шла рядом, озираясь по сторонам.

– Здесь вас тоже все знают? – спросила она с лукавством.

– Нет. И это редкое удовольствие.

У окошка стоял сонный станционный служащий с рыжими усами. Лев спросил у него про Беккера. Тот приподнял веки, оценил сначала Льва, затем Веру в его куртке. Вернувшись вниманием к хозяину вещей, он ответил с ленивой доброжелательностью человека, которому чужая тайна скрасит утро:

– Август Беккер помер давно. Хозяйство держит дочь, фрау Марта. За Фриденгеймом, вон по той дороге. Увидите стекло и трубу. Не промахнётесь. Если за цветами – рано. Если за деньгами – поздно.

– Спасибо, – проворчал Лев.

– А если за неприятностью, – добавил служащий, – то как раз вовремя.

– Заметно, что у вас здесь тонкое чувство мира, – обронила Вера, словно невзначай касаясь истины.

Он довольно улыбнулся.

Они сошли с платформы, миновали станционный двор и пошли по дороге, разбитой многими колёсами. Слева тянулись хозяйственные постройки, телеги, вкопанные по оси бочки для воды. Справа начинались немецкие дворы. Домики стояли чище, прямее, строже. Белёные стены, крутые крыши, ставни, виноградные лозы, ещё голые после зимы, маленькие цветники у крыльца, выметенные дорожки. Даже сараи выглядели так, будто умели считать деньги и не терпели неряшливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.